

Раздел 1. Теория политической лингвистики

УДК 811.161.1'27

ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Г. Н. Манаенко, С. А. Манаенко
Ставрополь, Россия**G. N. Manaenko, S. A. Manaenko**
Stavropol, Russia**ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА
И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
АНАЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА****DISCOURSIVE WORDS
AND INTENTION
OF AN ANALYTICAL TEXT
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. На основе теории интенциональности рассматривается применение дискурсивных слов в аналитических текстах политического дискурса.

Abstract. On the basis of the theory of intention the use of some discursive words in analytical texts in political discourse is discussed.

Ключевые слова: политический дискурс; аналитический текст; интенция; дискурсивные слова.

Key words: political discourse; analytical text; intention; discursive words.

Сведения об авторе: Манаенко Геннадий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

About the author: Manaenko Gennady Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Theory and Methods of Teaching History and Philology.

Место работы: Ставропольский государственный педагогический институт.

Place of employment: Stavropol State Pedagogical University.

Контактная информация: 355017, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 А.

e-mail: manaenko@list.ru.

Сведения об авторе: Манаенко Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

About the author: Manenko Svetlana Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Theory and Methods of Teaching History and Philology.

Место работы: Ставропольский государственный педагогический институт.

Place of employment: Stavropol State Pedagogical University.

Контактная информация: 355017, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 А.

e-mail: manaenko@list.ru.

Современные подходы к пониманию коммуникации как смысловому взаимодействию, погруженному в социально-культурные условия, существенно изменяют и традиционное отношение к специфике текстов, созданных в рамках различных институциональных дискурсов. Любой дискурс порождает текст — конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности. Как отмечает В. И. Карасик, «институциональный дискурс представляет общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. По отношению к современному обществу, по-видимому, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный» [См.: Карасик 2000]. Иницирует же процесс общения стремление человека не передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но

и в подавляющем большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми. По мнению М. Л. Макарова, при таком подходе коммуникация происходит вовсе не как трансляция информации и манифестация намерений, но как демонстрация смыслов, кстати, не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации адресатом: «Следовательно, пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другими человеком, он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет. При этом важную роль играет активность воспринимающего Другого: без соучастия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов и особенно их интерпретации не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. Можно добавить, что эта интерпретация смыслов происходит в процессе постоянных „переговоров“, гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности» [Макаров 2003: 38—39].

Таким образом, процесс коммуникации — это не просто обмен знаниями и их передача, а воздействие на партнера по общению, выведение вовне коммуникативных интенций говорящего, а также координация инди-

видуальных систем знания (опыта) говорящего и слушающего, т. е. взаимодействие сознаний как минимум двух субъектов. Человек как существо социальное живет в реальном мире, однако ориентируется в нем и совершает действия на основании тех представлений о действительности и ее описаниях, которые вырабатывались на протяжении всей истории. Эту область человеческого бытия определяют как информационное пространство, которое в философском плане представляет собой «те сферы в современной общественной жизни мира, в которых информационные коммуникации играют ведущую роль» [Землянова 1999: 70]. В настоящее время новое информативное пространство, в котором реализуются все виды дискурсов, порождается равноценными участниками, которые не зависят друг от друга: «Система иерархической коммуникации, где главным компонентом был приказ, стала меняться на систему демократической коммуникации, где основой становится убеждение» [Почепцов 2001: 7]. Соответственно и язык публичных выступлений, отражающий политическую и речевую культуру общества, освободившегося от тоталитарности в дискурсе массовой коммуникации, представляет плюрализм мнений, дифференциацию социальных воззрений не только определенных общественных групп и слоев, но и отдельных личностей. Разделенное же другим индивидуальное осмысление действительности и есть intersubjectивность как психологическое (феноменологическое) переживание общности интересов, действий, знаний и мнений, что подчеркивает значимость и актуальность тезиса Э. Дюркгейма, сформулированного им еще в начале XX в., о социальной обусловленности индивидуального мышления.

Поскольку «принятие» адресатом интерпретации действительности, представленной в текстах политического дискурса, напрямую связано с принятием им определенных решений, выработкой социально значимых позиций и осуществлением конкретных практических действий, существуют высокие требования к достоверности информации, предлагаемой в общественно-политической коммуникации. При этом требование достоверности значимо как для дескриптивной, фактологической информации, так и для оценочной. По сути дела, доказательность знания, полученного на основе информации, содержащейся в аналитических текстах, есть субъективная характеристика, и именно автор аналитического текста предстает в глазах аудитории той инстанцией, которая несет ответственность за истинность выдвигаемых положений. Данные положения су-

щественно развивают имеющиеся у каждого исследователя интуитивные представления о дискурсе как чем-то особенном, отличным от «просто текста», поскольку не ограничиваются одной лишь его лингвистической данностью, а включают текст в социальный, культурный и ментальный контекст, раскрывают значимость при создании и понимании текста его связей с «внешней» жизнью определенного социума и «внутренней» жизнью каждого индивида как условиями, определяющими его специфику: «Ограничением при производстве дискурса является все то, что помимо языка делает некий дискурс определенным дискурсом, имеется в виду формирующая дискурс социально-историческая ткань» [Серио 2001: 558].

Наиболее существенными в плане формирования мировоззренческой основы информационного пространства выступают политический, педагогический (учебный) и научный дискурсы. Публицистический дискурс (массмедиа) определяет содержание информационного пространства в уже заданных указанными дискурсами параметрах и системах ценностей и норм. «Известно, — писал П. Бурдьё, — что любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимизацию силы того, кто ее применяет» [Бурдьё 1993: 164]. Именно поэтому основной функцией политического дискурса выступает борьба за власть: агитация за власть, захват и удержание власти, стремление к ее стабилизации [См.: Водак 1997]. Исследователи выделяют два уровня политической деятельности — официальный и личностный: «Этот официальный уровень политики включает средства массовой информации, систему образования и все те социальные институты, которые контролируют явления социальной жизни. Второй уровень политики — личностный; он представляет собой сам способ, которым первый уровень актуализируется в индивидуальном сознании, как он проявляется в личности, семье, во взаимоотношениях людей, в профессиональной деятельности, а также в восприятии произведений искусства и литературы» [Зеленский 1996: 5]. Оба уровня политики опосредованы дискурсом, отражаются и отображаются в нем, реализуются через дискурс. По мнению Е. И. Шейгал, специфической чертой политики, «в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, является ее преимущественно дискурсивный характер: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал 1998: 22].

В современном политическом дискурсе можно отметить резкое усиление личност-

ной тенденции. Автор общественно-политического текста стал «проявляться» в нем гораздо сильнее, зримее, как человек, а не социальная функция. Во многом этому способствовало более свободное выведение вовне внутреннего мира политика, его коммуникативных интенций. Термином «интенция» обозначается субъективная направленность на определенный объект, т. е. активность сознания субъекта. В когнитивных исследованиях биологической основой интенциональности как свойства живой системы считается модификация поведения организма, обусловленная значимостью репрезентаций. При этом «значимость возникает из установления каузальных связей между различными взаимодействиями организма (включая взаимодействия с репрезентациями), т. е. из опыта. Это, в частности, означает, что интенциональности не может быть там, где нет значимости, а поскольку значимость — функция, имеющая своим аргументом опыт, количество и качество которого находятся в прямой зависимости от времени, то можно сделать следующий вывод: *интенциональность есть свойство живой системы модифицировать состояние взаимной каузации с миром на основе опыта, приобретенного со временем, с целью поддержания экологической системы, обеспечивающей возможность взаимной каузации между организмом и миром*. Другими словами, интенциональность есть когнитивная функция организма» [Кравченко 2002: 257].

П. Ф. Стросон распознавание намерений говорящего определяет как необходимое условие адекватного реагирования на его слова: «Говорящий, таким образом, не только несет ответственность за содержание своего намерения, которую несет любой производящий действие человек, у него имеется причина, неотделимая от природы выполняемого акта, сделать это намерение явным» [Стросон 1986: 141]. Представляется существенным заключительное суждение П. Ф. Стросона, согласно которому намерение, будучи общим элементом всех иллокутивных актов, может иметь множество вариантов: «...мы можем охотно допустить, что типы намерения, направленного на слушающего, могут быть очень разнообразными и что различные типы могут быть представлены одним и тем же высказыванием» [Стросон 1986: 150]. Дж. Серль, учитывая основную характеристику интенций, — их направленность на объекты мира, — подчеркнул значение интенций как инструмента соотношения субъекта с внешним миром и выделил понятие интенционального состояния: «Для начала мы могли бы констатиро-

вать, что интенциональность есть свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положение дел внешнего мира» [Серль 1987: 96]. Далее Дж. Серль отметил, что «понятие интенциональности в равной мере применимо как к ментальным состояниям, так и к лингвистическим сущностям, таким, как речевые акты и предложения» [Серль 1987: 101]. С опорой на данное положение Дж. Серль переносит на интенциональные состояния известные из предыдущих исследований характеристики речевых актов, выделяя аспекты, специфичные как для речевых актов, так и для интенциональных состояний. Например, если в теории речевых актов различаются пропозициональное содержание и иллокутивная сила, то в интенциональных состояниях — репрезентативное содержание и его психологический модус, т. е. каждое интенциональное состояние представляет некоторые объекты и положения дел в связи с верой, страхом, надеждой и т. п. Связь же между речевым актом и интенциональным состоянием заключается в том, что через речевой акт осуществляет выражение соответствующего интенционального содержания, при этом «условия выполнимости речевого акта и выражаемого им психического состояния тождественны» [Серль 1987: 106]. Таким образом, идеи теории речевых актов предполагают новую парадигму понимания сущности процессов речевой коммуникации и направлены на объяснение принципов функционирования языка. Однако в рамках данной теории представлены и анализируются прямые способы выражения коммуникативных интенций: чаще всего это приказы, просьбы, уведомления и т. п., использующие соответствующие глагольные формы. В то же время значительная часть произносимого речевого материала демонстрирует совсем другие способы выражения интенций. Именно поэтому говорящий употребляет все известные ему языковые средства и приемы, которые, по его предположению, могут дать желаемый результат.

С точки зрения авторов коллективной монографии «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса», интенции могут быть двух уровней: «Интенции первого уровня первичны по происхождению в онтогенезе и непосредственно связаны с особенностями функционирования нервной системы человека. Интенции второго уровня скорее социальны по происхождению и включены в организацию общения между людьми» [Слово в действии 2000: 12]. Таким образом, в субъективном плане активность,

направленная на оречевление некоторого содержания, находящегося в сознании субъекта, представляет собою намерение высказаться, т. е. интенцию. Некоторые исследователи среди подобных интенциях предлагают разграничивать информационную и коммуникативную: «В первом случае речь идет о желании сообщить нечто, во втором — коммуникатор демонстрирует свое желание в явном виде. Обычно обе интенции (особенно в случае вербальной коммуникации) сливаются воедино. Целью коммуникатора является воздействие на представления получателя. Коммуникатор создает конкретное сообщение для конкретного получателя, рассчитанное на данный конкретный момент, на данное конкретное место, на данный конкретный контекст. Центральным в этой цепочке становится понятие релевантности для конкретного индивидуума» [Почепцов 1998: 118]. Следовательно, интенции второго уровня как коммуникативные связаны с обращением к внешнему миру, и прежде всего к миру людей. Особенность коммуникативных интенций состоит в том, что формы их выражения весьма разнообразны и не всегда стандартны, они могут быть как прямыми, открытыми, так и косвенными, неявными. В соответствии с интенциональными состояниями автора и его коммуникативными интенциями в сфере речевой коммуникации, в частности общественно-политического характера, аналитический текст может выполнять осведомительную, регуляторную и эмоциональную функции.

Прием использования дискурсивных слов не только позволяет автору реализовать все указанные функции аналитического текста, организуя комментирующую информацию, но и отразить в его содержании свои коммуникативные интенции, круг которых — *информация, анализ (+), анализ (–), критика, дискредитация, предупреждение, размежевание, противостояние, смягчение позиции (отвод критики), самоохранение (осторожность), кооперация и побуждение* — придает проводимому анализу достоверность и убедительность, подключает к нему читателя, проводя коррекцию его интенциональных состояний. Дискурсивные слова в аналитическом тексте позволяют организовать его так, «чтобы читатель мог себя почувствовать не только объектом, но и субъектом общения... чтобы читатель на протяжении всего акта восприятия публикации хотел получить информацию, ожидал определенного эффекта, реагировал на него, чтобы чувствовал, что содержание и форма материала „подстроены“ под него наилучшим образом — отвечают его интересам, доступны

его пониманию» [Тертычный 1998: 189—190]. Активное применение дискурсивных слов позволяет автору реализовать несколько задач, обусловленных целями и коммуникативными интенциями при создании аналитического материала: а) помочь читателю удержать внимание на наиболее коммуникативно значимых компонентах содержания; б) продемонстрировать связь содержания аналитического материала с актуальными для читателя событиями, явлениями и фактами действительности; в) отчетливо обозначить уровень анализа действительности (личное мнение, общепризнанная точка зрения, позиция оппонента); г) обозначить удобные для читателя точки, ключевые моменты при развертывании системы доказательств и аргументации; д) указать читателю на авторское отношение к анализируемому предмету [Тертычный 1998: 193—194].

Такая полифункциональность во многом определяется языковыми свойствами вводно-модальных слов и модальных частиц, поскольку, как отмечает Ю. И. Леденев, для них «характерно выражение всевозможных лингвистических отношений», в частности, «в экспрессивно-стилистическом плане относящиеся к исследуемому классу слова выражают оттеночные значения и отношения полнозначных слов или сочетаний, целых предложений в их взаимной связи в речевом контексте» [Леденев 1988: 74—75]. Последнее положение — о роли вводно-модальных слов и модальных частиц, в том числе используемых как дискурсивные слова, в организации взаимных соотношений целых предложений в речевом контексте — не только подчеркивает дискурсивную природу данных лексических единиц, их первоочередную предназначенность для регулирования и комментирования содержания в высказываниях, но и выделяет еще один аспект их функционирования — участие в построении сложных синтаксических целых, что относится к области синтаксической стилистики. В связи с этим Г. Я. Солганик отмечает: «Вводные слова, стоящие по традиции вне предложения, в составе прозаической строфы нередко получают четкое назначение — помимо своих модальных функций служить одним из средств связи между самостоятельными предложениями» [Солганик 1991: 5]. Аналогичное можно утверждать и по отношению ко всем дискурсивным словам, так как из наблюдений Г. Я. Солганика вытекает следующее: «Лингвистические закономерности, несомненно, действуют в тексте, составляют важнейшую сторону его организации. Язык диктует не только правила построения словосочетаний и предложений,

но и правила порождения текстов. В противном случае носители языка оказались бы неспособны создавать элементарные сообщения (тексты)» [Там же: 15].

Исследуя сложные синтаксические целые (прозаические строфы), Г. Я. Солганик доказал, что многие средства связи самостоятельных предложений, как простых, так и сложных, не только выполняют собственно синтаксическую функцию соединения предложений, но и дополнительно решают другие задачи, стоящие перед автором текста, — обозначают его оценку и отношение к излагаемому, осуществляют комментарий того или иного плана высказывания. Этот же исследователь определил принципы организации сложного синтаксического целого на основе цепной и параллельной связи: «В прозаической строфе (а также фрагменте, тексте) задается не грамматическая форма, как в предложении, а лишь абрис, направление и характер синтаксического развития текста, соединения предложений, примерный композиционно-синтаксический контур. Синтаксические модели текстовых единиц — это прежде всего модели развертывания того или иного содержания» [Там же: 164—165]. Дискурсивные слова как раз и распределяются по классам в зависимости от того, каким образом они комментируют развитие содержания дискурса. Именно поэтому они являются важнейшими средствами организации текстового пространства, и прежде всего текстовой модальности: «Будучи модальным единством, строфа характеризуется единым модальным „тоном“. Так, если автор описывает какой-либо факт, событие, то внутри отдельной строфы описание ведется как бы в одной плоскости. В многообразии же строф публицистического произведения эта „плоскость“, этот угол зрения часто меняются, создавая богатство и разнообразие эмоционально-экспрессивных оттенков» [Там же: 104].

Следует добавить, что все вводно-модальные слова и модальные частицы любого дискурсивного класса обеспечивают не только переходы между фрагментами текста, но и внутреннюю целостность сложного синтаксического целого. Текстовая модальность, в выражении которой активно применяются дискурсивные слова, проявляет интенциональные состояния автора (говорящего), определяется его коммуникативными интенциями в соответствии с положением Дж. Серля о подчиненности языковых средств и их организации в дискурсе интенциям говорящего: «...язык выводим из интенциональности» [Серль 1987: 101]. Языковые формы и приемы, выработанные в жизнен-

ной практике людей как общеупотребительные конвенциональные средства общения, предназначаются для того, чтобы партнеры по коммуникации понимали стоящие за данными формами и приемами интенции говорящего. Однако в аналитическом тексте прямое выражение интенций говорящего не соответствует задачам коммуникативной ориентации на партнера по коммуникации, убеждения адресата в достоверности предлагаемой модели мира и ее интерпретации. Именно поэтому в политическом дискурсе значительная часть речевого материала характеризуется использованием косвенных и неявных способов выражения коммуникативных интенций говорящего. При этом отметим еще раз очень важное положение: «...даже при нестандартном и непрямом выражении интенций они понятны слушателям — носителям данного языка. Причина этому в том, что говорящий сам стремится к тому, чтобы его интенции были понятны» [Слово в действии 2000: 17—18]. Это возможно, если интенциональное состояние субъекта речи как инструмент его соотношения с внешним миром находится в соответствии с речевыми актами дискурса, чему во многом способствуют, в частности, такие показатели иллюкутивной функции (намерения говорящего), как модальные слова, частицы и те же вводные слова и конструкции, регулирующие модальную тональность.

В качестве иллюстрации данных утверждений рассмотрим фрагмент выступления в Государственной думе 24 декабря 1998 г. «О бюджете на 1999 год» депутата и лидера одной из думских фракций Г. А. Явлинского. Обращение к публицистическому тексту именно этого политика не случайно, поскольку, в отличие от печально известного всему миру своим косноязычием и «афористичностью поневоле» бывшего премьер-министра В. С. Черномырдина, главный представитель «Яблока» отличается незаурядным публицистическим даром. Так, в коллективной монографии, вышедшей в печати под эгидой Института русского языка РАН, «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)» отмечалось, что для языковой личности Г. Явлинского характерны, во-первых, подчиненность тематического развития текста внутренней логике мысли, во-вторых, «подчеркнуто логическое построение речи с четко проработанной системой условных, причинно-следственных связей, вербализуемых союзами» [Русский язык 1996: 225]. Добавим, что именно при выражении внутритекстовых синтаксических связей Г. А. Явлинский с помощью дискурсивных слов не только организует и как бы цементирует

текст, но и очень ярко обозначает свои коммуникативные интенции. См.:

*Кредитно-денежная политика, которая лежит в основе этого бюджета, представленная в Государственную Думу Центральным банком, не формулирует ни одной конкретной цели. Мы **так и** не знаем ни о параметрах денежной массы на будущий год, ни о масштабах кредитования, которое намерены осуществить ЦБ и правительство. **Следовательно**, мы не можем сегодня сказать ни об уровне инфляции, ни об обменном курсе на будущий год. Но прогноз составлен.*

***Вот** здесь **и** начинаются самые серьезные проблемы, и они не в том, сбудутся ли эти прогнозы. **Действительно**, трудно предполагать, как сложится ситуация в будущем году. Но есть некоторые параметры, которые, **на наш взгляд, все-таки** нужно было отмечать, чтобы вызвать доверие к правительству у граждан. **Ведь** правительство сейчас будет рассказывать, что оно не может собрать больше доходов, потому что сегодня правительство заявляет, что обменный курс к концу года будет 21 руб. 50 коп. В любом обменном пункте **уже** сегодня курс — 21 руб. 20 коп. Кто может поверить такому прогнозу? Никто. <...>*

*Почему же размеры сегодняшнего бюджета столь мизерны? Потому что наше население объявило дефолт нашему правительству. Не наше правительство объявляет дефолт иностранным кредиторам, а наши граждане нашей власти объявляют дефолт. Граждане не желают делать никаких платежей в адрес власти ни через налоги, ни через банки, ни через другие системы. **Вот поэтому** наш бюджет, который **действительно** похож сегодня на правду, превратился буквально в ликвидационный. И это вызывает огромное беспокойство.*

*Так что же должно сделать правительство? **Во-первых**, привести цифры, которые похожи на правду и в которые оно само верит. **Кроме того**, правительство должно было сделать шаги, обеспечивающие ему доверие. В их числе, **безусловно**, должны быть шаги по борьбе с коррупцией, которая, **по словам того же правительства**, захлестнула всю власть в нашей стране. Правительство же отказалось заниматься этой проблемой, сообщив, что никаких признаков продажности власти нет. Так оно отвечает на соответствующие запросы.*

В данном фрагменте дискурсивные слова следовательно, вот и, действительно,

вот поэтому, безусловно не только позволяют Г. А. Явлинскому последовательно развивать текст в полном соответствии с его «сверхзадачей» (обоснованием отрицательного отношения к проекту бюджета), но и обозначать причинно-следственные связи между позициями содержания рассматриваемого документа и возможной их оценкой, поскольку их релятивная семантика обладает и такими значениями, как достоверность и закономерность. Конкретизирующие синтаксические связи текста дискурсивные слова *так и, все-таки, ведь, уже, же*, помимо релятивного значения усилительности, приносят в дискурс смысловой оттенок сомнения (что является конкретизацией одной из коммуникативных интенций говорящего — анализ (—)) и формируют у аудитории фоновое отношение настороженности, тревоги по поводу действенности тех или иных положений рассматриваемой концепции бюджета.

Риторические вопросы, градационные тавтологии, определяющие риторическую экспрессивность текста, поддерживаются вводно-модальными конструкциями *на наш взгляд, во-первых, кроме того*, которые, наряду с проявлением индивидуальной семантики, включаются в корпус языковых элементов, подкрепляющих истинность оценки говорящим содержания коммуникации за счет коннотативных значений разумности и детерминированности хода рассуждения автора. В последнем абзаце анализируемого фрагмента политического текста вводно-модальная конструкция *по словам того же правительства* в полной мере реализует основную, главную авторскую интенцию, так как ее метатекстовое значение «заявление источника информации» вступает в разрушительное противоречие, поддержанное модальной частицей *же*, с диктумным содержанием сообщения о «положении дел» — деяниях правительства, выраженного на основе актуализации значений следующих пропозиций: «отказаться» (от борьбы с коррупцией) и «не найти» (признаков продажности власти).

В заключение отметим еще одну особенность дискурсивных слов, употребляемых в текстах политического дискурса. Поскольку жанр рассматриваемого текста — устное публичное выступление общественно-политического характера, ему свойственно использование, как правило, простых предложений или парцеллирование сложных, и поэтому одна из главных функций дискурсивных слов в текстах данного рода, с одной стороны, состоит в придании им цельности, связывании в формальном, синтаксическом аспекте, а с другой — в выра-

жении различных смысловых отношений между компонентами текста, ослабленных в силу устной формы его реализации, в аспекте содержания. В целом же можно заключить, что языковой прием использования вводно-модальных слов и модальных частиц наиболее часто реализуется в аналитических текстах, поскольку полностью соответствует целям, задачам и специфике содержания публичных материалов общественно-политического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология политики. — М., 1993.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград, 1997.
3. Зеленский В. В. Послесловие // Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / В. Одайник. — СПб., 1996.
4. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций. — М., 1999.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000.
6. Кравченко А. В. Знак, значение, знание // Проблемы общего языкознания. Вып. 1. Языковой знак. Сознание. Познание : хрестоматия / под ред. А. Б. Михалева. — Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 240—259.
7. Леденев Ю. И. Неполнозначные слова в русском языке. — Ставрополь : СГПИ, 1988.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М. : Гнозис, 2003.
9. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М. ; Киев, 2001.
10. Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Языки русской культуры, 1996.
11. Серю П. Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика : антология. — М. : Академический Проект ; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549—562.
12. Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. — М., 1987. С. 96—126.
13. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. — СПб. : Алетейя, 2000.
14. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). — М. : Высш. шк., 1991.
15. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. Вып. 17. С. 130—150.
16. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. — М. : Гендальф, 1998.
17. Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса // Филология — Philologica. — Краснодар, 1998. № 14. С. 22—29.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Л. М. Цонеева